

Игумнов А. Г. Материальное начало в фольклорных текстах преимущественно исторической тематики / А. Г. Игумнов, Е. Л. Тихонова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 247—264. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-247-264.

Igumnov, A. G., Tikhonova, E. L. (2021). Material Origin in Folklore Texts of Predominantly Historical Themes. *Nauchnyi dialog*, 10: 247-264. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-247-264. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-247-264

Материальное начало в фольклорных текстах преимущественно исторической тематики

Игумнов Андрей Георгиевич

orcid.org/0000-0003-3262-2042

доктор филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела
литературоведения и фольклористики
anigumnov@mail.ru

Тихонова Елена Леонардовна

orcid.org/0000-0001-8344-2709

доктор филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела
литературоведения и фольклористики
tipldk@yandex.ru

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена в рамках
государственного задания (проект
«Этнокультурная идентичность
в архитектонике фольклорных и
литературных текстов народов
Байкальского региона,
№ 121031000259-6»).

Material Origin in Folklore Texts of Predominantly Historical Themes

Andrey G. Igumnov

orcid.org/0000-0003-3262-2042

Doctor of Philology, Associate Professor,
Senior Researcher, Department of Literary
Studies and Folklore Studies
anigumnov@mail.ru

Elena L. Tikhonova

orcid.org/0000-0001-8344-2709

Doctor of Philology, Associate Professor,
Senior Researcher, Department of Literary
Studies and Folklore Studies
tipldk@yandex.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The work was carried out within
the framework of the state assignment
(the project “Ethnocultural identity in
the architectonics of folklore and literary
texts of the peoples of the Baikal region,
№ 121031000259-6”).

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы архитектоники фольклорных текстов исторического содержания: русских и украинских исторических песен, исторических баллад, дум и былин. Актуальность исследования обусловлена поиском синхронного типологического сходства между фольклорными текстами различной этнической, родовой, жанровой, поэтической природы. Особое внимание уделяется трем аспектам организации песенной фабулы: ее композиционной многослойности, сочетанию в ней нескольких начал; фабульному значению алломотивов, эксплицирующих материальное начало; их стиливому оформлению. Приводятся определения материального и духовного начал. Показано объективное существование типологического сходства на уровне алломотивной организации русских и украинских текстов, относящихся к классическому, традиционному и стадияльно позднему типам творчества в области историко-песенного фольклора. Показано, что это сходство объяснимо отражением в текстах жизненной, бытовой эмпирики и может приобретать различные стиливые воплощения: сниженное бытовое, констатирующее, идеализирующее. Поднимается вопрос о причинах аксиологических различий в русской и украинской фольклорных традициях. Доказано, что экспликации материального начала могут обладать различным значением в организации песенной фабулы: факультативным, значимым в пределах фрагмента текста, фабулообразующим.

Ключевые слова:

фольклор; материальное начало; фабульное значение алломотивов; аксиология; стиль.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the issues of architectonics of folklore texts of historical content: Russian and Ukrainian historical songs, historical ballads, dooms and epics. The relevance of the study is due to the search for a synchronous typological similarity between folklore texts of different ethnic, generic, genre, and poetic nature. Special attention is paid to three aspects of the organization of the song plot: its compositional layering, the combination of several principles in it; the plot meaning of allomotives, explicating the material principle; their styling. The definitions of the material and spiritual principles are given. The objective existence of typological similarities at the level of the allomotive organization of Russian and Ukrainian texts related to the classical, traditional and stage-by-stage types of creativity in the field of historical song folklore is shown. It is shown that this similarity can be explained by the reflection in the texts of vital, everyday empiricism and can acquire different stylistic incarnations: reduced everyday, ascertaining, idealizing. The question is raised about the reasons for the axiological differences in the Russian and Ukrainian folklore traditions. It is proved that the explication of the material principle can have different meanings in the organization of the song plot: optional, meaningful within a fragment of the text, plot-forming.

Key words:

folklore; material beginning; plot meaning of allomotives; axiology; style.

Материальное начало в фольклорных текстах преимущественно исторической тематики

© Игумнов А. Г., Тихонова Е. Л., 2021

1. Предварительные замечания

Слово *начало* для фольклористики совсем не ново, как и для литературоведения (см., например, [Хализев, 1999, с. 42, 53, 81]). Так, Б. Н. Путилов в таком качестве, характерном для позднего эпоса, выделял «привязанность содержания песен» «к известным местам» и датам действительной истории, «исторический биографизм» (эксплицированный в некоторых элементах), редукцию фантастики и мифологизма, способность песен «увидеть драматизм и трагичность истории», усиленную «реальность фона и деталей» [Путилов, 1988, с. 207], «обобщающее поэтическое начало» [Путилов, 1988, с. 209]. Конечно, это далеко не все начала, характерные для позднего песенного эпоса. Более того, в поисках некоторых и именно начал, в той или иной степени определяющих архитеконику и содержание «песен», стоит обратиться также к «классическому» эпосу, думам и историческим песням (русским и украинским как минимум; причём независимо от их родовой принадлежности).

Так, можно уверенно говорить о и таких началах, как эмпирическое, витально-экзистенциальное, этикетно-церемониальное, социально-функциональное [Игумнов, 2019], архаически-мифологическое, фантастическое, героическое, поэтическое (в узком смысле; при его экспликации объектом анализа является не только «поэтический вымысел», но и поэтика как система «приемов»: стилевых, композиционных, повествовательных, языковых), бытовое и, наконец, духовное и материальное. Рассмотрение последнего начала и явилось целью нашего исследования.

А ргіої ясно, что найти строгие, однозначно понимаемые, не «пересекающиеся», верифицируемые дефиниции любого из названных выше начал принципиально невозможно. Допускать противное явно означает полагать, что фольклорный текст логичен и однозначен на всех уровнях, во всех аспектах и срезах своей организации. Этого очевидно не может быть. Однако, несмотря на заведомую нестрогость своих дефиниций, названные выше начала (и любые другие, достойные номинации именно этим словом) как таковые, как феномены, явно существуют (хотя понимание их и может быть различно).

Здесь рассматриваются тексты русских и украинских исторических песен (всех родовых типов), дум и, отчасти, былин (сплошной просмотр всех опубликованных былин не проводился; к тому же «материальное», или «бытовое», начало в былинах и вообще в песенных эпосе и лиро-эпике описано достаточно полно, см., напр., [Липец, 1951, с. 153—210; Путилов, 1988, с. 122—136; Селиванов, 1990]). Как следствие, структуро- или фабулообразующее (или любое иное) значение названных начал в текстах различно, от довлеющего до исчезающе малого, актуального лишь для заведомо факультативного фрагмента текста, совсем не важного для текста как целого во всём многообразии его смыслов. Но, даже будучи ничтожным, это значение всё же эксплицируется в текстах и, значит, тоже нуждается в рассмотрении.

Корректное определение какого-либо феномена предполагает его противопоставление какому-то другому (см., напр., [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 460—461]. В данном случае таковым объективно может послужить лишь начало «духовное», «над-материальное». Если принять во внимание средневековый по преимуществу характер взятых текстов, то под выражением в них «духовного» начала нужно, конечно, понимать в первую очередь частные детали или обобщающие констатации либо, напротив, пространные описания или ламентации, референтные к христианской атрибутике, обрядовой практике, догматике, аксиологии; к этой же тематической сфере относятся изображенные / подразумеваемые межконфессиональные конфликты. Тогда под экспликацией материального начала нужно понимать частные детали или обобщающие констатации, или же, напротив, пространные описания, референтные к прямо противоположной сфере действительности — в общем случае к сфере «реалистически» бытовой или идеализированно бытовой. Говоря о «бытовой» сфере, эксплицированной в наших текстах, придется не во всём согласиться с определением «эпической конструкции быта», принадлежащим Б. Н. Путилову. По его мнению, в эту конструкцию «непрерывным слагаемым входит более или менее устойчивый... набор типовых отношений между персонажами в социально-бытовой, домашней атмосфере, поведенческих, этикетных норм, элементов бытовой обстановки, предметов материальной культуры — всего того, что в совокупности составляет характерный бытовой фон, обязательный для любого эпического памятника» [Путилов, 1988, с. 122]. Однако не слишком ли разнородные и разнокачественные сущности объединены здесь в одну рубрику, особенно в нашем случае, если рассматривать разножанровые тексты? Да и в пределах строго эпических они всё равно выглядят разнокачественными. Но от слов *эпический быт* отказаться уже нельзя, равно как и невозможно, в на-

ших целях, их использовать. Поэтому мы и пользуемся словосочетанием *материальное начало* (в противопоставление началу над-материальному) и производными от него.

2. Материальное начало. Фабульное значение и стилевые различия

Итак, предметный диапазон материального начала оказывается достаточно широким (но заметно суженным по сравнению с предметным диапазоном «эпического быта», по Путилову). Под *материальным началом* в фольклорных текстах мы понимаем как непосредственно деньги («золотую казну» или «срібрані гроши»), так и элементы одежды, снаряжения, все действия персонажей, связанные с пищей и питьем, «хозяйственную деятельность», включая обзаведение работницами и служанками. Сами по себе деньги, одежда, пища, виды «хозяйственной деятельности» специальным предметом изображения могут быть, кажется, только в натюрмортах, а в фольклорных текстах они служат необходимыми или факультативными, «случайными», но всё же элементами фабулы. Например, в сказках и в переходных от предания к сказке формах материальное начало (одежда) может иметь принципиальный характер: трансформация героя происходит благодаря смене одежды (мотив переодевания) (см.: [Краюшкина, 2010, с. 25; Тихонова, 2018, с. 20—22]).

Нельзя поэтому игнорировать значение этих реалий для фабулы текстов («фабула» понимается здесь по Б. В. Томашевскому как «событие, развивающееся в жизни персонажей» (см.: [Томашевский, 1999]) или для создания некоторой фабульной ситуации (когда сколько-нибудь длительного «развития события» в тексте нет). Кроме того, стоит также уделить должное внимание и стилевому оформлению этих реалий.

2.1. Материальное начало: факультативное значение в организации песенной фабулы

При всей своей атрибутивной формульности фольклорные тексты не могут быть вовсе свободны от фиксации вполне обыденных деталей и обстоятельств изображаемых событий. В простейших случаях какое-либо значение для фабулы, большее, чем сугубо обстоятельственное, в этих обстоятельствах и деталях усмотреть трудно.

По словам «орла», «стрільці булахівці», взяв из гнізда соколєнка,
(1)

Та в город Цариград <его> заношали

Та Івану Богословцю на утіху продавали [Д., с. 116].

Больше «стрільці булахівці» никаких действий не совершают, и сам факт именно продажи соколенка никакого значения для певцов не

имеет и в фабуле текста совсем ничего не значит. Так в варианте думы «стрільці-булахівці» просто «понесли» соколёнка «до Івана Богословця» [Д., с. 114].

Далее в (1) Богословец «по ринку ходить», что дает возможность предположить, что соколенка он купил, но не более чем «предположить»: в тексте о покупке нет ни слова.

(2)

Отец с сыном на сенокос пошли,
А мила доченька им есть понесла... [НБ, с. 185].

(3)

У колодиза у холодного...
Красная девушка *воду черпала* [ИП XVI, № 34, с. 73].

(4)

Как пошли красные девушки в лес *по ягоди*...
А одна-то красная девушка ягод не нарвалась,
... она там оставалась... [ИП XVI, № 5, с. 54].

В текстах (2) — (4) затем появляются татары и полоняют / схватывают девушку. Применительно к текстам (3) и (4) напрашивается вывод об архаичности локусов, где начинается действие, и возникает соблазн безоговорочно согласиться с Г. И. Мальцевым, который решительно и весьма доказательно отрицает плодотворность анализа фольклорного текста с применением литературоведческой методики и особое внимание уделяет значению традиционных общих мест, или формул, для построения текста. Он утверждает: «Различные “места” в лирике связаны не с персонажем (хочет идти в лес, хочет в сад или рощу), но с определенным состоянием персонажа и со связанными с данным состоянием действиями. Эти состояния как бы отвлечены от персонажей и зафиксированы в формулах. Традиционная мотивация “мест” в народной лирике позволяет сформулировать такой тезис: скажи мне, где ты находишься, и я скажу, что с тобой происходит (и наоборот)» [Мальцев, 1989, с. 139]. Но нас сейчас интересует именно «хозяйственная деятельность» как особый предмет рассмотрения, а в каком локусе эта деятельность осуществляется — здесь совершенно не существенно.

К тому же Г. И. Мальцев ориентируется на «внешне бессвязные» тексты традиционной лирической песни, композиция которых действительно возникает в результате воспроизведения или перекодировки «архаических семантических комплексов», но никак не в результате стремления певцов к связному изложению некоторой цепи событий и / или изображения логически взаимно мотивированных состояний персонажей. Мы же имеем дело

с текстами, гипотетические создатели которых явно стремились именно к последнему — к связному, логически мотивированному повествованию, так что богатая архаическая семантика «колодиза холодного» (3) и леса (4) именно в этих текстах совершенно элиминирована и «не нужна» для создания и объяснения текстов. В самом деле: создавая связный текст, певцы должны же были указать на пространственное расположение персонажей; в иных случаях пленения — это «дом Никитинский» в Чернигове [ИП XVI, № 9, с. 55], или просто Чернигов [Там же], или неназванные «города» [ИП XVI, № 7, с. 54].

Но (1)—(4) — это относительно редкие случаи, когда детали или подробности незначимы для фабулы текста, не обусловлены никакими предыдущими событиями, не определяют последующих, не позволяют давать персонажам какие-либо оценки и освобождены от архаической семантики. В (1) факт *продажи* соколенка ничего не значит для дальнейшего; в (2)—(4) татары полонят девушку *не потому*, что она пошла в поле, к колодцу, в лес, а лишь благодаря тому.

2.1.1. Материальные ценности как способ избавления от пленения / рабства / наказания и их фабульное значение

Большого внимания заслуживают алломотивы, в которых даже лаконичное упоминание о ценностях «материального порядка» имеет пусть небольшое, факультативное, но все же значение для организации как фабулы текста, так и его аксиологии.

Девушка, которой угрожает пленение, просит матушку:

(5)

«Ах ты, матушка, выкупай меня!

Ты давай за меня *сто локоть полотна*» [ИП XVI, № 7, с. 55].

Девушка, увозимая татарами «в землю татарскую, землю басурманскую», просит татар написать «белу грамотку» к ее «родимому батеньке»:

(6)

«... Чтоб достал он свою *золотую казну*,

Чтоб ехал выкупать меня из чужой земли!» [ИП XVI, № 6, с. 54].

Тексты (5) и (6) приведенными строками и завершаются, но в них видна хотя бы потенциальная возможность дальнейшего развития действия за пределами реальности текстов: девушку, возможно, выкупят, причем явно за значительную цену.

Еще более красноречивы и значимы для фабулы, аксиологии текста и иногда для «образного целого», возникающего в тексте, «материальные»

детали и обстоятельства, когда они характеризуют нравственный облик персонажей, свойственные им «поведенческие стереотипы», ситуации, в которых персонажи оказались, или мотивирующие / объясняющие дальнейшие события, или подытоживающие произошедшее.

Начнем с простейших случаев, в которых «материальное» начало эксплицировано в самых обыденных предметах или видах «хозяйственной деятельности», но не совсем свободно от фабулы и «смысла» песен (точнее — их текстов или вариантов).

«Пан Перебийніс» немотивированно укоряет своего героического «джуру», схваченного «ляхами»:

(7)

— Ой, не схотів же ти міні, хлопку, хлопкувати, —
Й будеш же ти ляхам *стадо напувати* [Ант, т. 2, с. 45].

Несколько более идеализированы кони и возы в варианте песни о казачке Нечае:

Будучи схвачен «ляшком, скурвим сыном», казак Нечай вынужден отвечать на вопросы:

(8)

— «А де ж твої, Нечаснько, *воронії коні?*»
— «А де ж твої, Нечаснько, *кованії вози?*»...

«Під містечком Берестечком заточені в лози» [Ант, т. 2, с. 57].

Далее следуют вопросы о жене и детях, что, разумеется, не означает, что семья Нечая менее важна, чем его материальное благополучие, но, тем не менее, кони и возы в тексте не просто упоминаются, но играют роль примет жизни, благополучной в материальном отношении, оставшейся в прошлом по вине «ляхов».

2.1.2. «Материальная» природа фольклорных пиров и угощений

Существенную роль в фольклорных текстах часто играют описания пиров, гуляний, предполагающих застолье с обильной пищей и хмельными напитками. Пирь не только выступают местом действия, но и служат необходимым условием дальнейшего. О былинных пирах сказано много. На них князь отдает поручения (приказывает отвезти в Орду «дани неплоченные» — «Добрыня и Василий Казимирович»; узнает важную информацию о единственной потенциальной невесте, достойной его внимания, с последующим решением, кто же за ней поедет — «Дунай-сват»; об «измене, сидящей с ним за одним столом», — «Гнев Ивана Грозного на сына»; о «вере» Кострюка «побороть всю каменну Москву» с последующим распоряжением найти достойных борцов — «Кострюк»), на пире же

Сухматий / Сухман в одноименных былинах берет на себя задачу привести князю Владимиру «белу лебедь живьем в руках, не ранену лебедку, не кровавлену» (что в конечном счете приводит его к гибели); наконец, на пиру «кума крестовая Малютиха» / «стерва Анютка» отравляет / пытается отравить Скопина, после чего развитие исторической по истокам фабулы может окончательно (собственно, эти песни уже с первых строк локализуют действие в Киеве) превратить историческую песню в былинную Киевского цикла: матушка Скопина расправляется с отравительницей почти как заправская былинная поляница, см.: [ИП XVII, № 42, 45, 46].

Но это былинные пиры, то есть, если идти в их трактовке вслед за Путиловым, пиры типические, нормализованные, формульные, идеальные [Путилов, 1988, с. 123—124], они изображают поедание *идеальной* пищи и употребление хмельных напитков часто в *идеальных*, то есть в огромных объёмах, но всё равно — это пища и напитки, то есть частные случаи экспликации все того же материального начала.

Интереснее поэтому обратиться к не-былинным, *не-идеальным* пирам и угощениям. В отличие от былинных, в исторических песнях и думах соответствующие алломотивы часто (но не всегда) носят заведомо сниженный характер, вплоть до сугубо бытового и эмпирически вполне достоверного.

Так, не принимая всерьез предупреждение о подступающих «ляхах», молодой казак Нечай

(9)

... с кумою, с Хмельницькою мед-вино кружає;

Бо поставив козак Нечай три сторожі в місті,

А сам пішов до кумоньки *щужу рибу зісти* [Ант, с. 56].

Эта явная неосторожность оборачивается для него гибелью в сражении с многочисленным врагом; причем трудно утверждать, что такое поведение героя является для него типичным, однако оно является необходимым и, может быть, неслучайным (!) условием его последующей гибели. В отличие от девушек в (2)—(4) Нечай *знает* о подступающих «ляхах», но никак не предупреждает их последующих действий, и «ляхи» беспрепятственно оказываются вблизи от дома, где находится Нечай.

(10)

«Астраханска девка Маша» прельстила Стеньку Разина, заманила его к себе в гости, «*допьяна напоила*», «на кровать спать положила и начальству объявила» [ИП XVII, № 295, с. 254].

(11)

«Верного служителя государева» Ивана Краснощекова, захваченного шведами в плен, приводят «во палаты каменные», сажают «за дубовый стол», наливают ему «чару зелена вина», «напивают» его «пьяным-пьяна» и лишь после этого «пытают-спрашивают» его, в каком чине он служил «сваму царю белому» [ИП XVIII, № 95, с. 72].

(12)

Хмельницкий, чтобы заполучить некие очень важные «королевские листы», должен прежде всего как-то «нейтрализовать» их хранителя — Барабаша. Способ обыденный: Хмельницкий подает Барабашу «лучшие напитки», отчего тот «упився, на лижку спати завалился». После этого Хмельницкий и отправляет своего «чуру» в Черкасск «питати» у «пані Барабашовій» те самые листы, что тот и исполняет [Д., с. 262].

(13)

«Френцюз», под которым нужно разуместь Наполеона, не узнав «Платова-казака», захавшего к нему «в гости»,

За белые руки (Платова) брал,

За дубов стол посадил,

Рюмку водки наливал...

после чего и стал выпрашивать «гостя» о Платове, которого он, будучи в Москве, «не узнал». Дочь «френцюза» Ирина близка к тому, чтобы разоблачить Платова, но Платов спасается триумфальным бегством: насмехается над «френцюзом», не сумевшим «ясна сокола ловить» [ИП XIX, № 131, с. 89].

Но не всегда, конечно, угощение (осуществленное или предполагаемое) бывает в исторических песнях и думах таким сниженно-бытовым, обыденным.

(14)

Вьяснив у тюремного старосты, что в его «темной темнице» сидит «донской казак Ермак Тимофеевич», турецкий царь Салтан Салтанович, приказав привести его в свои «палаты царские», «напоил, накормил доброго молодца и тожно стал его спрашивати», как тот в Азов попал. Ермак отвечает, что он был послан послом «из каменной Москвы» с «дорогими гостинцами», но на заставах его и его товарищей ограбили и всех рассадили по разным темницам. Турецкий царь исправляет это нарушение дипломатических норм: «снаряжает» Ермака и его товарищей обратно в Москву [ИП XVI, № 377, с. 548]. В тексте не сказано, какими блюдами и напитками Салтан угощал Ермака, но явно это не «щука рыба», как в (9), и не «рюмка водки», как в (13).

Вспоминая «напоила-накормила» из волшебной сказки, нужно сказать, что какие-либо архаические или мифопоэтические начала в (14) ус-

матривать вряд ли плодотворно. Гипотетические создатели этого текста слышали, вероятно, соответствующие сказки и порядок действий «турецкого царя» выстроили по готовой формуле — «напоил — накормил — стал спрашивать». Скорее, однако, эта формула служит здесь не более чем воплощению представлений певцов о некоем идеальном придворном этикете, то есть является экспликацией этикетно-церемониального начала.

(15)

«Граф Кутузов» успокаивает «православного царя» (под которым можно разуместь только Александра I), «крепко призадумавшегося» после письма Наполеона с неумеренными требованиями («расписать ему квартирушки на семьсот тысяч», а самому Наполеону уступить царские палаты). Кутузов обещает царю «гостеприимно» встретить его, «собаку» (Наполеона), посреди поля Можайского:

«... Мы поставим ему *столы* — пушки медные,
Как *скатерть* постелим ему — горнодерушков,
Закусочку ему положим — ядра чугунные,
Пойлице ему *нальем* — зелен порох» [ИП XIX, № 36, с. 44—45].

Вместе с тем заметим, что на приведенных строках текст заканчивается. То есть эти строки не только обращены в будущее, лежащее за пределами текста, но еще и по д о д о ж и в а ю т все предшествующее. Алломотивы, в которых манифестируется материальное (в указанном выше смысле) начало и которые обладают тем же фабульным значением, в нашем материале встречаются довольно редко, но всё же присутствуют:

(16)

«Бравославцы-небывальцы», отбившись от «турок-янычар» под предводительством «Атамана Матяша», прибывают на Сечь с добытым турецким золотом и серебром и делят его между собой [Д., с. 80].

(17)

Казаки, под предводительством Самойло Кошки вернувшиеся на Сечь с богатой добычей, «сребро-злато — на три части паювали», первую часть — «на церкви покладали», вторую — «*помеж собою паювали*», а на третью — «*тили да гуляли*» [Д., с. 148—149].

В русских текстах тоже могут фигурировать совсем обыденные предметы и действия, да и богатыри могут вести себя вполне корыстным образом.

(18)

Татарин, полонивший свою незнакомую тещу, «заставил её три дела делать»: «гусей пасти», «бел кужель прясти», «дитя качать» [ИП XVI, № 25, с. 65].

(19)

«Маринка, дочь Колдаёвна», будучи «еретицей и безбожницей», и пошпины в своих гаванях брала соответствующим образом:

... *Паруса ронили* — брала пошпину,

Якори ти бросали — брала пошпину,

Шлюпки на воду спустили — брала пошпину... — [Б., 1986, с. 473].

Не стоит доказывать, что в (18), (19) «гуси», «кужель», «паруса», «якори», «шлюпки» — это самые «обыкновенные» гуси, кужель, паруса, якори и шлюпки (да и качание ребенка — тоже черта обыденного быта).

(20)

Илья Муромец, поев прежде «ествущек сахарниих» и попив «питьвицов медвянных», трижды призывает Самсона Кольвановича и его «добрых молодцев» «постоять за веру й за отечество», «сохранить церкви божие» и т. д., но всякий раз получает отказ с замечательной мотивировкой: у князя Владимира «много есть господ да бояринов»,

... Он их кормит, поит, да он их жалует.

Ничего ведь мы от князя й не предвидели [Б., 1986, с. 114—115].

2.2. Значимость материального начала в пределах фрагмента текста

Всё предшествующее не имело бы большого смысла, если бы не возможность выделить особую группу текстов. Алломотивы, эксплицирующие материальное начало, являются в них не вкраплениями, оттеняющими смысловые нюансы. Материальное начало в них столь значимо, что их можно назвать даже *структуро-* или *фабулообразующими*.

(21)

Так обстоятельства и цели пленения девушки татаринном могут оказаться совсем не важными для певцов, как в тексте [ИП XVI, № 14, с. 59]; в противном случае певцы о них спели бы. В первых трех строках текста от первого лица сообщается о том, что виделось во сне лирической героине, а виделся ей разговор татарина и девушки-полонянки. Стоя перед татаринном в каких-то «палатах», девушка «слезно плачет». Татарин утешает ее посулами сшить ей «куню шубочку с дорогими соболями», отлить ей «золот перстень с дорогим алмазом». Полонянка отвечает:

«Ты не шей, не шей куню шубочку...

Ты не лей, не лей золот перстень...

Ты пусти, пусти девушку на волюшку,

На свою прежнюю сторонушку!» [ИП XVI, № 14].

Очевидно, что самое существенное из всего комплекса смыслов, какие выражены в этом тексте, — это мысль о том, что никакие самые дорогие материальные ценности не избавят полонянку от тоски по «своей сторо-нушке». Концентрацию внимания певцов на отказе полонянки от щедрых посулов полонителя проигнорировать здесь нельзя, но нужно отвести ему очень важное место в архитектонике текста. В иных песнях с той же базисной фабульной ситуацией — полонитель / полонители утешают плачущую полонянку богатыми посулами, она решительно отказывается — этот отказ от материальных ценностей может быть дополнен «метафизически-ми» медитациями полонянки. Татарин угрожает бросить ее «в синяя моря, в чистая поля», но полонянка, вспомнив матушку, «мамок-нянек», кото-рые ее «носили», «качали», «кормили», уповаает на то, что «синяя моря» ее «доносит», «докачают буйнаи ветры», «докормит белая рыбаца» [ИП XVI, № 16, с. 60]. Или же к полонянке ее батюшка «в гости едет», но она не может «ставати, рук поднимати» [ИП XVI, № 17, с. 17]. В последнем слу-чае показателен разномастный этнический состав полонителей: «пан да татарин, третей — воевода». Будучи маловероятным в действительности, такой этнический состав полонителей выводит фабулу песни в мир, по-строенный как заведомая условность, но «материальной» природы колли-зии эта условность не отменяет.

Не богатый на разум татарин пускается в погоню за казаком; цель свою он формулирует, обращаясь к казаку, так:

(22)

«Коли б я тебе поймав, я б тебе у Килиї-город *запродав*
І срібрані за тебе гроші побрав».

Казак сам расправляется с незадачливым татаринном и, стоя над его телом, насмехается над поверженным врагом, предвкусывая:

«... От тепер твого коня вороного

Поведу до шинкарки *пропивати...*» [Д., с. 72—73].

2.3. Материальное начало как основа структуры текста

Наконец, нужно рассмотреть случаи, когда фабульная ситуация, изо-браженная в текстах, не только сама по себе носит все тот же «материаль-ный» характер, но заключает в себе едва ли не все смыслы текстов, то есть служит фактически порождающей структурой текста.

(23)

На «воровском стружочке», вмерзшем в лёд на «море Каспийском», «сидит атаман Степан Тимофеевич». Он распоряжается: «молодцы» долж-ны взять «словчатые веселечки», разбить «тонкий осенний лёд», чтобы добраться «до тихих мест, до острова Кавалерского», и там дуван делить:

«Нам *атласу и бархату* по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны сколько надобно» [ИП XVII, № 162, с. 158].

(24)

«Середь площади» «бродит злой татарченко» и отдает полонянку — «красну девицу» — во постельницы; за нее он просит «пятьдесят золотниц». Единственный, кто «выбирается», — «удаленький добрый молодец». «Он, выдамши свои денежки, сам задумался»: «не пропали его денежки»:

«На девушке шолков пояс на тысячу,
На головушке ала ленточка в две тысячи,
На ручушке золот перстень — цены нет;

А мне красна девушка в барышах пришла!» [ИП XVI, № 18, с. 61].

Думается, очевидно, что никакие «драматические коллизии эпохи» певцов в этой песне не занимают, а занимает их неожиданный (и совершенно невероятный) поворот: девушка-полонянка вдруг оказывается баснословной богачкой.

В былинах, не только в героических, но во многих новеллистических и «сказочных», довлеет или, по меньшей мере, оказывается очень существенным героическое начало. Но, как ни кощунственно это прозвучит, даже Илья Муромец может быть втянут в конфликт, основа которого сугубо материальна, как в эпизоде столкновения Ильи Муромца с разбойниками или «станишниками». Как известно, этот эпизод бытовал как в составе сводной былины, повествующей о трех поездках Ильи, так и в качестве вполне автономной, отдельной былины; см., напр., [Липец, т. II, 1951, с. 757—758]. В. Я. Пропп определял этот эпизод как полусказочный и комический и, одновременно, полугероический [Пропп, 1955, с. 253—256]. Б. Н. Путилов, говоря о сводной былине, отмечал, что былина «обнаруживает связи не только со сказочной, но и с мифологической и архаической эпической традициями»; а «одну из главных идей былины» он же определил так: «судьба оказывается не властной над героем...» [Былины, 1986, с. 500.]. Илья Муромец, приехав к росстани из трех дорожек и прочитав на «Латырь-камешке» «подписи», одна из которых предвещает, что поехать по первой «дороженки» — «убиту быть», именно по ней и едет. Его видят «ночные тати-подорожники» и пытаются его ограбить. Илья Муромец над ними посмеивается: с него взять нечего, нет у него «золотой казны» и «платья цветного», только есть у него, в частности, «уздечка тесмяная», богато украшенная множеством «яфонтов». Разбойники «принимаются за дело рагное», и Илье Муромцу не остается ничего иного, как «шеломом помахивать» и «прибить-прирубить всю силу неверную». Затем он воз-

вращается «ко камешку ко Латырю» и «подписывает» на нем: «И что ли очищена тая дорожка прямоезжая» [Б., 1986, с. 67—68]. Конечно, Илья Муромец никаких меркантильных целей не преследует, но их преследуют хотя бы разбойники (за что и расплачиваются).

Говорить о материальном начале в былинах сложно. Причина тому — не только в количестве записей, но и в насыщенности былинного мира предельно идеализированными предметами «личного пользования» и бытового обихода. Достаточно упомянуть былинку о Дюке Степановиче. «Портомойница», «калачница» или «холуйка» его матушки одеты много лучше киевской княгини, «состояние» Киева погружает Дюка в глубокое недоумение своим убожеством, а для простого описания всех богатств Дюка нужно прежде продать весь Киев и Чернигов, на вырученные деньги купить «гербовой бумаги» и чернил, и только тогда можно будет приступить к описанию имения Дюка. Но в то же время эти и прочие абсолютно гиперболизированные материальные проявления богатства (см. их прекрасное описание [Пропп, 1955, с. 469 и далее]) для самого Дюка — *бытовая обыденность*, а для былинки — одно из структурирующих начал.

3. Заключение

В статье были рассмотрены разножанровые тексты (былины, исторические песни, украинские думы) преимущественно исторического содержания, эксплицирующие материальное начало как элемент текста, обладающий различным фабульным значением — от факультативного до фабулообразующего. Установлено, что материальное начало (деньги, казна, золото-серебро, стада, полотна ткани и т. п.), как и действия, связанные с предметным миром, в текстах с историческим содержанием чаще имеют факультативное значение.

Однако существуют тексты, в которых алломотивы, эксплицирующие материальное начало, несут не факультативный, а значимый для определенного сегмента текста характер. Материальное начало в подобных текстах столь значимо, что его можно назвать структурирующим: например, мотив «полонянка отказывается от богатых даров ради свободы».

Наконец, были рассмотрены тексты, в которых материальное начало имеет фабулообразующее значение — фабульная ситуация, изображенная в текстах, не только сама по себе носит все тот же «материальный» характер, но заключает в себе едва ли не все смыслы текстов, то есть служит фактически порождающей структурой текста (например, богатырское снаряжение, при помощи которого персонажи совершают свои богатырские подвиги).

Разумеется, нам не удалось рассмотреть все формы экспликации материального начала в русском и украинском историко-песенном фольклоре во всех их нюансах и различном композиционном значении. Но, надеемся, нам всё же удалось показать, что это начало может быть не только факультативным, но и во многом очень значимым для текстов.

Источники и принятые сокращения

1. Ант.-Др. — *Историческія пѣсни малорусскаго народа / с объясн.* Вл. Антоновича, М. Драгоманова. — Киев : тип. М. П. Фрица, 1875. — Т. 2, вып. 1. — 166 с.
2. Б — *Былины* / подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. — Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1986. — 552 с.
3. Д — *Украинские народные думы* / изд. подгот. Б. П. Кирдан. — Москва : Главная редакция восточной литературы, 1972. — 560 с.
4. ИП XVI — *Исторические песни XIII — XVI веков* (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Б. Н. Путилов [и др.]. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1960. — 695 с.
5. ИП XVII — *Исторические песни XVII века* (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О. Б. Алексеева [и др.]. — Москва ; Ленинград : Наука, 1966. — 385 с.
6. ИП XVIII — *Исторические песни XVIII века* (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О. Б. Алексеева [и др.]. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1971. — 355 с.
7. ИП XIX — *Исторические песни XIX века* (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Л. В. Домановский [и др.]. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1971. — 284 с.
8. НБ — *Народные баллады* / вступ. ст. и прим. Д. М. Балашова. — Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1963. — 447 с. — (Библиотека поэта. Большая серия).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Игумнов А. Г.* Архитектоника фольклорного текста / А. Г. Игумнов. — Иркутск : Оттиск, 2019. — 163 с.
2. *Краюшкина Т. В.* Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках: системный анализ : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Т. В. Краюшкина. — Улан-Удэ, 2010. — 46 с.
3. *Липец Р. С.* Былины у промыслового населения русского Севера XIX — начала XX века / Р. С. Липец // *Славянский фольклор* : сборник научных трудов. — Москва, 1951. — С. 153—210.
4. *Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г. И. Мальцев. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1989. — 168 с.
5. *Пронн В. Я.* Русский героический эпос / В. Я. Пронн. — Ленинград : Изд. Ленинградского университета, 1955. — 552 с.
6. *Путилов Б. Н.* Былины — русский классический эпос / Б. Н. Путилов // *Былины*. — Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1986. — С. 5—46.
7. *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность / Б. Н. Путилов. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1988. — 225 с.
8. *Селиванов Ф. М.* Художественные сравнения русского песенного эпоса: систематический указатель / Ф. М. Селиванов. — Москва : Наука, 1990. — 224 с.

9. Тихонова Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Е. Л. Тихонова. — Улан-Удэ, 2018. — 62 с.

10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / вступ. ст. Н. Д. Тамарченко ; комм. С. Н. Бройтмана [и др.]. — Москва : Аспект Пресс, 1999. — 334 с.

11. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

12. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 1999. — 398 с.

MATERIAL RESOURCES

Ant.-Dr. — Antonovicha, Vl., Dragomanova, M. (eds.). (1875). *Historical songs of the little-russian people*. Kiev: tip. M. P. Fritsa. 2 (1). 166 p. (In Russ.).

B — Putilov, B. N. (ed.). (1986). *Byliny*. Leningrad: Sovetskiy pisatel, Leningrad branch. 552 p. (In Russ.).

D — Kirdan, B. P. (1972). *Ukrainian People's Dumas*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 560 p. (In Russ.).

NB — Balashov, D. M. (ed.). (1963). *Folk ballads*. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel. 447 p. (In Russ.).

HS XVI — Putilov, B. N. et al. (eds.). (1960). *Historical songs XIII — XVI centuries*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 695 p. (In Russ.).

HS XVII — Alekseev, O. B. et al. (eds.). (1966). *Historical songs XVII centuries*. Moscow; Leningrad: Nauka. 385 p. (In Russ.).

HS XVIII — Alekseev, O. B. et al. (eds.). (1971). *Historical songs XVIII centuries*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. 355 p. (In Russ.).

HS XIX — Domanovskiy, L. V. et al. (eds.). (1971). *Historical songs XIX centuries*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. 284 p. (In Russ.).

REFERENCES

Igumnov, A. G. (2019). *The architectonics of folklore text*. Irkutsk: Ottisk. 163 p. (In Russ.).

Il'ichev, L. F. (ed.). (1983). *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 840 p. (In Russ.).

Khalizev, V. E. (1999). *Literary theory*. Moscow: Vysshaya shkola. 398 p. (In Russ.).

Krayushkina, T. V. (2010). Motives of the states of characters in Russian folk fairy tales: a systems analysis: author's abstract of Doct. Diss. Ulan-Ude. 46 p. (In Russ.).

Lipets, R. S. (1951). Epics and the commercial population of the Russian North of the 19th — early 20th centuries. In: *Slavic folklore: collection of scientific papers*. Moscow. 153—210. (In Russ.).

Maltsev, G. I. (1989). *Traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 168 p. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1955). *Russian heroic epic*. Leningrad: Publication of the Leningrad University. 552 p. (In Russ.).

Putilov, B. N. (1986). Epics — Russian classical epic. In: *Byliny*. Leningrad: Sovetskiy pisatel, Leningrad branch. 5—46. (In Russ.).

- Putilov, B. N. (1988). *Heroic epic and reality*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. 225 p. (In Russ.).
- Selivanov, F. M. (1990). Artistic comparisons of the Russian song epic: a systematic index. Moscow: Nauka. 224 p. (In Russ.).
- Tikhonova, E. L. (2018). Semantics and pragmatics of folklore historical prose of Russian old-timers of the Baikal region: author's abstract of Doct. Diss. Ulan-Ude. 62 p. (In Russ.).
- Tomashevskiy, B. V. (1999). *Literature theory. Poetics: textbook. allowance*. Moscow: Aspekt Press. 334 p. (In Russ.).